
ОБЪЯВЛЕНИЯ

ОПЫТ РОССИЙСКИХ МОДЕРНИЗАЦИЙ XVIII–XX ВЕКА. М.: Наука, 2001. 246 с.

Рецензируемая коллективная монография, подготовленная в Институте истории и археологии УрО РАН (ответственный редактор — академик РАН В.В. Алексеев), посвящена процессам перехода от традиционного к индустриальному и, далее, — современному обществу в России, вступающему на путь постиндустриального развития. В качестве теоретико-методологической основы исследования используется теория модернизации, одна из самых востребованных сегодня в отечественной исторической науке макротеорий.

Содержание понятия «модернизация» (в буквальном смысле — «осовременивание») менялось с течением времени. В XIX — начале XX вв. им обычно обозначали рост рациональности и атеизма, борьбу против деспотических режимов и суеверия. В середине XX столетия термин «теория модернизации» был введен рядом западных авторов в определенные концептуальные рамки, он стал чаще использоваться для характеристики процесса перехода от аграрного общества к индустриальному. Ядром этого процесса является индустриализация, порождающая экономический рост, социальные изменения и постепенное внедрение либеральных ценностей (У. Ростоу, М. Леви, Д. Лернер и др.). Со временем рамки теории расширились с учетом того, что существуют модификации указанных процессов на пути к современному обществу (Б. Мур, С. Эйзенштадт, Г. Терборн, В. Цапф и др.). Теория модернизации не потеряла актуальности и сегодня, дополнительный импульс к ее развитию дал, в частности, характер процессов, которые протекают в течение последних десятилетий в странах Юго-Восточной Азии, а также на посткоммунистическом пространстве Центральной и Восточной Европы.

Известен определенный скепсис части научного сообщества по отношению к концепциям теории модернизации, основанный на сомнениях в общности тех закономерностей переходных процессов, которые сформулированы этой теорией. Однако никакой другой теории, более адекватно описывающей процесс трансформации традиционного общества в индустриальное, пока не предложено. Можно, конечно, исходить из того, что закономерностей в развитии социальных процессов нет, однако такая позиция представляется деструктивной.

Ученые продолжают использовать концепт «модернизация» не только потому, что он является частью популярного научно-теоретического дискурса, но также в силу признания того обстоятельства, что множество частных изменений, наблюдаемых в различных областях человеческой жизни в процессе трансформации традиционного общества, связаны между собой, что многие страны проходят в течение последних веков через процесс всесторонних изменений, обладающий определенными закономерностями.

Применительно к России данный период, по мнению авторов монографии, измеряется приблизительно тремя веками (начиная с эпохи петровских преобразований). Исследование опыта российских модернизаций выполнено авторами монографии на основе анализа богатого историографического и документального материала, зачастую впервые вводимого в научный оборот. Логичной представляется структура монографии, которая включает теоретический раздел (глава 1), посвященный критическому обзору модернизационной парадигмы (В.В. Алексеев, И.В. Побережников); главу вторую, в которой анализируются процессы модернизации на общероссийском уровне (В.В. Алексеев, И.В. Побережников, А.С. Сенявский, О.Л. Лейбович); главу 3, посвященную сопоставлению динамик модернизации и регионального развития (К.И. Зубков, В.В. Алексеев, И.В. Побережников); особую роль играет последний раздел (главы 4 и 5), в рамках которого проведено исследование индустриализации, урбанизации, формирования городского образа жизни — основных составляющих модернизации — на материале уральского региона (А.Э. Бедель, В.Г. Железкин, К.И. Зубков, С.П. Постников, С.В. Воробьев, О.Л. Лейбович, Л.Н. Мартюшов, А.Г. Оруджиева, О.Н. Яхно). Подобный подход позволяет сопоставлять макро- и мезотенденции модернизации, проводя анализ на страновом и региональном уровнях.

Конкретно-историческому анализу российских модернизационных процессов в монографии предшествует серьезный историографический раздел, в котором проанализирована эволюция западной школы, развивавшей теорию модернизации, выявлены основные теоретико-методологические и дисциплинарные течения внутри данной школы. Авторы отмечают, в частности, изменение фокуса исследований (переход от абстрактного и обобщенного конструирования «идеальных» систем к конкретно-историческому анализу); переход от рассмотрения процесса модернизации как линейного и телеологического к видению его в качестве многовариантного и открытого; отказ от трактовки модернизации в виде элементарной замены традиционных институтов и ценностных систем современными институтами и ценностными системами — вместо этого признание реальности и плодотворности взаимодействия традиционности и современности в процессе модернизации, наличия потенциала саморазвития у традиционного комплекса. К числу наиболее важных особенностей эволюции школы модернизации авторы относят, в частности, рост внимания к конфликтам в процессе модернизации и влиянию на данный процесс внешних (по отношению к изучаемой стране) факторов; инкорпорацию в теоретическую модель фактора исторической случайности; признание циклической природы процесса модернизации и др. (С. 44–45.) В данном разделе книги идентифицированы основные теоретико-методологические (системно-функциональный, социально-процессуальный, компаративный) и дисциплинарные подходы в изучении модернизационной перспективы и определены их сильные и слабые стороны. В результате операционализации понятия «модернизация» определено общее и специфическое содержание данного термина в контексте категорий

«капитализм», «социализм», «индустриализация», «урбанизация», «бюрократизация». Представляет интерес данная авторами оценка работ западных исследователей опыта российских модернизаций. (Напр., см.: С. 23, 39.) Думается, большего внимания заслуживает рассмотрение «органичной» и «догоняющей» моделей модернизации.

Авторам в целом удалось показать, что теория модернизации — не застывшая догма, а весьма прагматичная парадигма, которая продолжает развиваться, в определенной мере пересматриваться и совершенствоваться в процессе формирования реакций на реальные процессы развития и критику со стороны конкурирующих теорий. Корректировка методологических и теоретических основ данной научной парадигмы, по мнению авторов, способствовала повышению уровня ее общности, многомерности и чувствительности по отношению к изменяющейся исторической действительности. На основе теоретической и историографической разработки в монографии сформулирована теоретико-методологическая модель модернизационного перехода в России, адаптированная к изучению процессов на региональном уровне. Выявлена существенная роль в процессе модернизации социокультурного фактора, в частности традиционного наследия, не только придававшего своеобразный оттенок эволюции доиндустриального общества в современное, но и интегрировавшегося в данный процесс.

Большой исторический и теоретический интерес представляет проблема взаимодействия модернизации и региональной динамики, которая по существу поставлена впервые в отечественной историографии в данной монографии. Сложным представляется вопрос о том, как процесс модернизации в конечном итоге соотносился с развитием пространственно-географического базиса российской экономики. Несомненно, что политика модернизации, основанная на вовлечении в экономический оборот естественных ресурсов, способных дать значительную и быструю отдачу, не могла не вести к «очаговому», несколько искусственному и одностороннему, хозяйственному росту новых территорий. Это убедительно доказывается в монографии. Сопоставляя модернизационную и региональную динамику, авторы приходят к выводам, которые в определенной степени отличаются от устоявшихся представлений о природе модернизации и характере колонизационного процесса в России. Установлено, в частности, что территориальные последствия политики модернизации, служившей инструментом ускоренного преодоления социально-экономической и культурной отсталости страны, носили на протяжении последних веков российской истории «маятниковый» характер. Обычно расширение участия государства в реализации политики территориального размещения производительных сил происходило за счет ослабления роли рыночных регуляторов развития экономики, нарушения базовых соотношений между затратами и результатами. В долговременной исторической перспективе необходимая мера диффузии индустриального потенциала создавала предпосылки расширения общего территориального базиса развития общества, но в краткосрочной перспективе такая

политика страдала отсутствием экономической рациональности, усиливая механизмы блокирования технологического и социального развития.

В книге показано, что естественно-географические факторы в целом играли в процессе модернизации России существенную роль. Авторы книги считают, что во многом благодаря исключительным естественно-природным факторам и резервам экстенсивного роста экономики становилась возможной сама политика модернизации страны, в которой выделяются три волны: первая, начатая царствованием Петра I; вторая, связанная с «Великими реформами» 1860-х гг.; и третья, советская. Вопрос о волнах модернизации может, по-видимому, рассматриваться, исходя из различных критериев. Так, на наш взгляд, в качестве «волны» можно выделить и период конца XIX — начала XX в., связанный с дореволюционной индустриализацией России.

Авторы обращаются к изучению «волн российских модернизаций» с позиций «эволюционистского» подхода, учитывающего экономический, социокультурный и политический факторы, и «цивилизационного», акцентирующего внимание на устойчивых (на определенном этапе) параметрах — своего рода неизменном ядре. При этом больше внимания уделяется характеристике и трактовке разными учеными именно последнего подхода. Так, авторы обращаются к цивилизационной концепции российской истории А.С. Ахиезера, который делает акцент на социокультурной составляющей и усматривает специфику развития России в дисбалансе между «европейской» и «азиатской» составляющими. В данном контексте история России рассматривается как циклическое движение, при котором каждый новый виток не только привносит новые черты, но и сохраняет ряд особенностей, присущих предшествующему этапу развития. Другая цивилизационная модель, которую упоминают авторы, связана с концепцией Р. Пайпса, усматривающего основное отличие развития России и особенность ее модернизации, зародившейся еще в царский и императорский периоды, в «патримониальном» характере царской власти, предполагавшем слияние политического и социально-экономического компонентов. Этим, по мнению Пайпса, объясняется такая особенность российской модернизации, как ее «насаждение сверху». Авторы книги отмечают в этой связи недооценку Пайпсом демократических элементов и традиций, общественной инициативы в российском обществе. Хотя в целом авторы также видят в модернизации России «догоняющую», неорганичную ее модель, осуществляемую в основном не в силу внутренних причин, а как следствие заимствования западного опыта — не всегда, по мнению авторов, удачного. Это «насаждение» модернизации «сверху» — по инициативе государства, является, как отмечено в главе 2, отличительной особенностью модернизационного развития России.

Авторы выделяют несколько этапов «насаждения» модернизации, традиционно связывая начало модернизаторской политики в России с эпохой Петра I. Дискуссионным представляется тезис о рационалистической основе созданного Петром режима, его базировании на теории естественного права и договорной теории, которые исключают принуждение. Это, скорее, особенность эпохи

Просвещенного абсолютизма, традиционно связываемой с именем Екатерины II и идеями, провозглашенными ею в «Наказе». Особенность модернизации России на «петровском» этапе авторы усматривают в ее нацеленности на поддержание военно-политического влияния. Связывая данный период в истории России с доиндустриальной фазой модернизации, авторы прослеживают признаки модернизации преимущественно в экономической сфере, при этом в тени остаются глубокие изменения социального, ментального и прочих неотъемлемых компонентов модернизации. Следующий выделяемый авторами период — это продолжение «петербургского» периода, основная особенность которого видится авторами в присоединении к общеевропейскому пути Просвещения и связанным с этим распространением принципов либерализма как признаков зарождения гражданского общества в России. Следующий за этим период (вплоть до времени Александра II) определяется в книге как период становления «либерального порядка в России». Начало очередного, «порепороченного», этапа российской модернизации авторы связывают с «Великими реформами» 1860-х гг.; он продолжается вплоть до Октябрьской революции 1917 г. В качестве основной характеристики этой, «имперской» модели модернизации авторы выделяют «обеспечение военно-промышленного комплекса и сильной армии», уделяя при этом внимание экономическому фактору, переходу от мануфактуры к машинному и фабрично-заводскому производству, появлению новых отраслей промышленности. Здесь авторы отходят от характерного для многих работ представления об однозначно «догоняющей», неорганичной модернизации в России и в подтверждение ранее высказанного несогласия с недооценкой внутренних факторов развития России отмечают, что на данном этапе модернизационное развитие происходило не только под «внешними воздействиями», но во многом в силу внутренних причин. Определяя, «насколько Россия продвинулась к началу XX в. по пути модернизации», авторы вновь обращаются, главным образом, к экономической составляющей — росту производительности труда, развитию технологий, техническому перевооружению (наряду с сохранением отсталости аграрного сектора, ростом «протоиндустриальной промышленности», незавершенностью раннеиндустриальной модернизации на Урале даже к 1917 г.). Авторы учитывают и другие важные факторы модернизационного развития — оживление общественной жизни, связанное, в первую очередь, с деятельностью земств, распространение знаний и рост уровня грамотности, рост общественного сознания. В книге отмечаются следующие особенности модернизации данного периода (второй половины XIX — начала XX вв.): переход от традиционного «полицейского» государства к государству «правовому», к гражданскому обществу; неравномерность в развитии общественных структур, связанная с сохранением в обществе пережитков предшествующего строя — сословной и крепостной систем; форсированность модернизации на данном этапе; осуществление модернизации начала XX в. в рамках перманентного революционного процесса. В этом контексте авторы говорят о

«неполноценности» модернизационного процесса в России, о его ограниченности «лишь некоторой либерализацией политического режима».

Начало следующего, советского этапа модернизации авторы связывают с Октябрьской революцией 1917 г. Данный период характеризуется в книге то полным отказом от политики модернизации (первые годы советской власти), то, напротив, заметными успехами на ее пути (вторая половина 20-х — первая половина 50-х гг.), то очередным снижением темпов модернизации (середина 50-х — конец 80-х гг.). Революция 1917 г., по мнению авторов, с одной стороны, нарушила «естественный ход модернизационного перехода», а с другой, — «уничтожила феодальные пережитки, которые тормозили этот переход». Индустриальный рывок 30-х гг. авторы характеризуют как период форсированной, «догоняющей» модернизации, осуществляемой «ценой огромного напряжения и жертв», т.е. имеющей «неоправданно затратный характер». Сталинский этап модернизации связывается в книге, главным образом, с индустриализацией страны. Другими чертами модернизации этого периода, по мнению авторов, были рост доли рабочих в социальной структуре, рост городского населения, замена сословного принципа принципом классовых отношений, секуляризация образования, распространение грамотности, рост участия женщин в общественной жизни и производстве. Все эти изменения, свидетельствующие «о крупнейших шагах на пути модернизации России», о переходе от традиционного, аграрного к индустриальному обществу сочетаются, как отмечено в книге, с отходом советской модернизации от ее «классического» образца. Не удивительно, что оценить характер трансформаций советского общества в контексте теории модернизации оказалось непросто. Авторы приходят к выводу о том, что, с одной стороны, «страна шла по пути модернизации в русле мирового процесса»; с другой стороны, модернизация носила догоняющий характер и «насаждалась сверху железной диктатурой», которая «не решала многих задач классической модернизации, таких, как создание полноценного рынка товаров, капиталов и труда, не обеспечивала свободу личности» (с. 69). На наш взгляд, характер трансформаций советского общества в контексте постсоветского развития может расширить рамки теории модернизации за счет введения *нового допущения: индустриализация в определенных условиях может не совпадать по фазе с процессами демократизации и «привычными» модернизационными социальными изменениями. Эти процессы могут начаться позже, на завершающей стадии индустриализации.*

В третьем, заключительном разделе книги заслуживает внимания тезис авторов о значительной роли периферийных территорий в формировании импульсов складывания новой властно-политической структуры в процессе модернизации. В этом случае мы, по-видимому, имеем дело не с исключительно российским явлением. Подобные ситуации можно проследить и на примере европейских государств.

Теоретико-методологическая модель, развиваемая авторами книги, апробировалась при изучении модернизационных перемен на конкретно-истори-

ческом региональном (в качестве объекта исследования взят Урал) материале эпох: промышленной колонизации (XVIII–XIX в.), капиталистической модернизации пореформенного периода и начала XX в., сталинской индустриализации, эпохи начала научно-технической революции. Рассматривая индустриализацию как «ядро» модернизационного процесса и отмечая характерные черты и особенности индустриализации Урала на различных ее этапах, авторы уделяют внимание и социокультурным аспектам процесса урбанизации, исследуя как количественные, так и качественные характеристики этого противоречивого процесса. В книге показано, что российская модернизация приобретала форму эпигенеза в двух отношениях: не только в виде заимствования новых институциональных и технико-экономических форм, но и в территориально-географическом разрезе — в виде подведения под экономику новой пространственной и ресурсной базы и, как результат, формирования на этой основе новых властно-политических институтов и отношений, новых возможностей государства по отношению к своим подданным.

Большой научный интерес представляет наблюдение, согласно которому модернизация не может описываться в соответствии с «классическим» каноном как телеологический процесс гомогенизации и однозначного распространения наиболее передовых институциональных и технологических форм. Так, в ходе раннеиндустриальной модернизации, как отмечают авторы, на протяжении второй половины XIX в. наблюдался непрерывный рост «протоиндустриальной промышленности» — мелких промысловых кустарно-ремесленных заведений, опровергающий представление о модернизации как процессе нивелировки производственных систем, выравнивания их по стандарту «индустриального капитализма».

Актуальность данной монографии не вызывает сомнений. Без основательного, глубокого изучения особенностей российского варианта перехода от традиционного, аграрного общества к современному, индустриальному и постиндустриальному невозможно объяснить специфику национального исторического процесса, выявить место России в мировой цивилизационной динамике. В монографии удачно сочетаются серьезный теоретический уровень и обширное конкретно-историческое исследование. В целом монография позволяет глубже осмыслить историю как России в целом, так и Уральского региона, в частности.

Л.И. Бородкин, Е.А. Квасова*

---

* Квасова Евгения Александровна — аспирантка (Историко-архивного института, РГГУ).